ЗАМѢТКИ О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1830 ГОДА.

Въ 1863—1864 г. напечатанъ переводъ съ нѣмецкаго языка „Исторіи польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 г.", написанной *Ф. Смитомъ*. По всему замѣтно, авторъ поставленъ былъ въ благопріятныя обстоятельства къ источникамъ, чтобы написать замѣчательно-дѣльную книгу, отличающуюся всѣми качествами добросовѣстности и такимъ безпристрастіемъ, какое только возможно для чиновника Русской службы. Въ изложеніи военныхъ дѣлъ авторъ, конечно, наиболѣе зависѣлъ отъ реляцій, слѣдственно, обмолвки и недостатки по этой части — вещи неизбѣжныя и, прибавимъ, покамѣстъ терпимыя, а потому не вредящія общему достоинству книги. Но что въ ней особенно привлекаетъ вниманіе читателя, такъ это полнота и, такъ сказать, подноготность извѣстій о польскихъ дѣлахъ. Кто жилъ въ Польшѣ до возстанія 1830 г., того книга невольно располагаетъ въ свою пользу: у каждаго осталось на столько своихъ воспоминаній, чтобы провѣрить обстоятельства извѣстныя, а за тѣмъ, сопоставивъ ихъ съ тѣми, которыя прежде не всѣмъ были извѣстны и которыя выводятся теперь на свѣтъ, убѣдиться въ достовѣрности послѣднихъ. Еще, важная заслуга книги состоитъ въ томъ, что послѣ войны, когда разбредшіеся по всему свѣту герои и не-герои польскаго возстанія вызывали повсюду сочувствіе и состраданіе своимъ положеніемъ и перьями, которыми водила изгарь мести и озлобленія, историкъ предъявилъ противъ нихъ свой протестъ, разсказавъ на общеизвѣстномъ европейскомъ языкѣ происшествія такъ, какъ онѣ были.

Возстаніе въ Варшавѣ описывается подробно и обстоятельно. Бывши однимъ изъ захваченныхъ тамъ въ плѣнъ русскихъ офицеровъ, я записывалъ для памяти то, что зналъ, видѣлъ и слышалъ, и находя у историка нѣкоторыя мѣста изъ варшавскихъ событій не вѣрными или не полными, рѣшаюсь представить на нихъ небольшія замѣтки, въ надеждѣ, что кто нибудь изъ тогдашнихъ современниковъ моихъ по службѣ въ Польшѣ подтвердитъ, либо опровергнетъ ихъ. Замѣтки мои ограничиваются предметами, содержащимися въ первомъ томѣ исторіи.

1. Послѣ общаго очерка польскаго заговора, съ объясненіемъ, въ какой мѣрѣ участвовали въ немъ всѣ сословія (особенно военное) и когда собралась въ Бельведеръ русская кавалерія, а также приведены туда польскими гвардейскими конно-егерями съ Александровской площади шесть польскихъ же гренадерскихъ ротъ съ 4 орудіями, шедшихъ въ Лазенки на помощь къ заговорщикамъ, — авторъ замѣчаетъ странность случая, что эти роты, назначенныя взять въ плѣнъ русскую кавалерію, сдѣлались „лучшею, единственною" защитою ея и Бельведера, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и въ два послѣдующіе дня. Затѣмъ дѣлается такой выводъ: „къ несчастію, теперь пропустили удобный моментъ для дѣйствія. Въ эту первую минуту, когда заговорщики еще дѣйствовали робко и не рѣшительно, легко было подавить возстаніе; но давъ имъ время усилиться чернью и солдатами, въ началѣ медленно приближавшимися, дозволивъ имъ безъ сопротивленія распорядиться въ городѣ и умертвить всѣхъ тѣхъ, которые старались возвратить солдатъ къ ихъ долгу, допустили такимъ образомъ развитіе безпорядка, который къ слѣдующіе дни превратился въ настоящую революцію (стр. 140)."

Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ заслужили упомянутыя роты названіе „лучшихъ защитниковъ" Бельведера и собранной при немъ кавалеріи. Хотя выстрѣлами ихъ на Александровской площади (сдѣланными по приказанію русскаго генерала) ранены двое подъѣзжавшихъ и хорошо одѣтыхъ подго-

ворщиковъ, но самъ историкъ замѣчаетъ при этомъ, что роты „остались вѣрными своему долгу единственно благодаря твердости генерала Даненберга"; а сохранили ли бы онѣ вѣрность при серьозномъ столкновеніи съ военными мятежниками, это еще неизвѣстно, или просто сомнительно. Вспомнимъ также о покушеніи изъ тѣхъ же защитниковъ подпоручика Волосчанскаго на жизнь великаго князя Константина Павловича, что не удалось только по причинѣ осѣчки ружья. Мы не отвергаемъ, конечно, нравственнаго вліянія на другихъ отъ пребыванія въ Бельведерѣ польской пѣхоты; но едва ли не столько же дѣйствовало на ея вѣрность и присутствіе четырехъ кавалерійскихъ полковъ, считая въ томъ числѣ польскій конно-егерскій, показавшій на самомъ дѣлѣ много уваженія къ чувству долга. Во всякомъ случаѣ, гренадерскія роты могли быть „единственными" развѣ только въ первые сутки, а на другой день передъ вечеромъ присоединились уже къ отряду Цесаревича оба русскіе пѣхотные полки, Литовскій и Волынскій, а также польскій гвардейскихъ гренадеровъ (кромѣ отдѣлившейся изъ него части къ мятежникамъ).

Что касается до возможности подавленія мятежа на первый день или, правильнѣе, ночь, то мы далеко не раздѣляемъ этого мнѣнія по слѣдующимъ соображеніямъ. Изъ Исторіи видно, что заговорщики въ Лазенкахъ начали заряжать ружья въ $6^1/_2$ ч.; за тѣмъ послѣдовали одно за другимъ — нападеніе на Бельведеръ, двукратное нападеніе на наши кавалерійскія казармы, съ отступленіями, тревога, сборъ и прибытіе къ Бельведеру русской кавалеріи, такая же тревога, сборъ и прибытіе изъ средины города конныхъ егерей и приводъ ими съ Александровской площади гренадерскихъ ротъ съ артиллеріею. Все это, какъ бы ни было поспѣшно сдѣлано, не могло совершиться безъ потери довольно значительнаго времени. Между тѣмъ, подпрапорщики, послѣ неудачныхъ нападеній, бросились въ городъ и по прибытіи къ арсеналу, застали тамъ полное возстаніе. То же нашли и двое посланныхъ отъ великаго князя, какъ увидимъ въ концѣ нашихъ замѣтокъ. Казармы конныхъ егерей находились сзади Саксонскаго сада, и выступленіе этого полка сдѣлано, конечно, не по поводу произшествій въ Бельведерѣ, отъ котораго онъ былъ слишкомъ далеко, а всего вѣроятнѣе вслѣдствіе уже арсенальскихъ и уличныхъ безпорядковъ. Я даже припоминаю разсказъ, что когда лазенковскіе заговорщики нападали на казармы уланъ, въ другихъ сосѣднихъ казармахъ поднята тревога по распоряженію командира конныхъ егерей, генерала Курнатовскаго. Далѣе. Хотя, по Смиту, Заливскій поджегъ два еврейскіе дома и приступилъ къ открытому мятежу возлѣ арсенала послѣ 7 часовъ, но это показаніе принадлежитъ Заливскому, а онъ въ то время бѣсновался на лазенковскаго зачинщика, Высоцкаго, не видя пожарнаго сигнала на Сольцу, что̀ по условію должно было появиться въ 6 час.; и такъ какъ Заливскій не успѣлъ нечаянно обезоружить Волынскій полкъ (что входило въ планъ заговорщиковъ) то естественно было желаніе оправдать себя долгимъ ожиданіемъ знака съ Сольца. Наконецъ, въ моихъ запискахъ отмѣчено, что первое извѣстіе о мятежѣ сообщено мнѣ хозяиномъ квартиры „часовъ въ $7^1/_2$." По уходѣ хозяина я вышелъ на дворъ къ воротамъ посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Въ воротахъ возлѣ находившагося тутъ шинка собралась толпа, и въ средѣ ея шли горячіе разсказы. На вопросъ мой одного глашатая, у котораго уже гремѣла сабля при боку, что дѣлается у арсенала, онъ отвѣчалъ, что 4 полкъ дерется съ Волынцами, и что изъ арсенала выбрасываютъ разное оружіе и приказываютъ народу вооружаться, а кто не дѣлаетъ этого, того убиваютъ (1). Въ то время въ сторонѣ

(1) Показаніе, что ворота арсенальскія отбиты чернью, въ числѣ которой были женщины, не заслуживаетъ вѣро-

арсенала видно было большое зарево. Если возмемъ все это въ соображеніе и добавимъ къ тому, что войска Заливскаго выведены въ 5 ч. и офицеры нетерпѣливо домогались у него начатія дѣйствій, угрожая, въ противномъ случаѣ, роспускомъ ротъ,—то будемъ имѣть достаточное основаніе къ заключенію, что возстаніе при арсеналѣ начато едва ли позже нападеній лазенковскихъ, запозданныхъ на полчаса противу того, какъ было условлено. А потому время, которое Смитъ признавалъ благопріятнымъ для подавленія мятежа, основываясь на нерѣшительности первыхъ дѣйствій въ Лазенкахъ, представляло городскія дѣла совсѣмъ въ другомъ видѣ; даже лазенковскіе нерѣшительные заговорщики успѣли уже полизать крови, совершивъ нѣсколько злодѣйствъ во время шествія своего по улицамъ города; изъ начальниковъ многіе убиты, и за тѣмъ мятежъ перешелъ окончательно въ руки заговорщиковъ. Между тѣмъ буйная варшавская чернь съ выпущенными колодниками успѣла, во славу вольности, разбить шинки и напиться. Но главнѣе всего представляется вопросъ: кѣмъ подавлять мятежъ? Самъ авторъ говоритъ, что русская пѣхота удалена была отъ кавалеріи почти на цѣлую милю и, въ добавокъ, находилась она за арсеналомъ и другими серединными частями города, кипѣвшими мятежомъ, прекратившимъ всякое сообщеніе между русскими. Не считалъ ли историкъ достаточнымъ для того собравшагося у великаго князя кавалерійскаго отряда съ приведенными къ нему противъ воли гренадерскими ротами? Слишкомъ было бы простовато вѣрить, что послѣднія, за часъ тому шедшія на помощь заговорщиковъ, теперь станутъ усмирять ихъ; скорѣе всего, вступивъ въ улицы, онѣ воспользовались бы первымъ удобнымъ мѣстомъ, чтобы сыпнуть пулями въ своихъ сопутниковъ-усмирителей. А одной кавалеріи въ такомъ городѣ, какъ Варшава, нечего дѣлать противъ строевой мятежной пѣхоты.

2. На стр. 149 повторяется мнѣніе о возможности прекращенія возстанія. „Быстрая атака нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи въ различныхъ улицахъ легко могла разогнать еще слабыя толпы народа, и не дозволить заговорщикамъ утвердиться на открытомъ пунктѣ. Большая часть войска, увлеченная нѣсколькими офицерами, бывшими въ заговорѣ и покинутая народомъ, возвратилась бы къ своему долгу; болѣе упорные были бы доведены до сего силою; такимъ образомъ все возмущеніе было бы подавлено тѣмъ легче, что для поддержанія кавалеріи можно было употребить бо́льшую часть пѣхоты."

Какъ-то не хочется вѣрить, чтобы это легковѣсное и такъ мало отвѣчающее важности событій мнѣніе написано было авторомъ Исторіи польскаго возстанія. Самая толпа далеко не была слаба, по крайней мѣрѣ численностію; она, конечно, сначала буйствовала около арсенала и ближайшихъ глухихъ мѣстъ, но снабженная оружіемъ и за тѣмъ боевыми снарядами, скоро разлилась густыми волнами по всѣмъ улицамъ, установила свои опросы и отзывы для незнакомыхъ, вкусила сладость грабежа, и веселая и вольная въ польскомъ духѣ, въ 9 часу (какъ у меня отмѣчено) начала стрѣльбу. Слова нѣтъ, еслибы возмутилась только эта чернь, ее можно бы разгонять и одною кавалеріею, потому именно, что у варшавской черни, говоря вообще, не было въ то время ни особенной цѣли, ни даже особенной ненависти къ русскимъ; ею управляло одно желаніе zazyc wolnosci „попользоваться свободою", т. е. пображничать и побуйствовать на счетъ кого бы-то ни было. Но о томъ-то и рѣчь, что возстаніе сдѣлано и управлялось не толпою черни, а горячими головами военной молодежи, и не по поводу какой нибудь случайной вспышки, но на основаніи заговора, давно задуман-

---

ятія. Мятежъ поднятъ не народомъ, а войскомъ и въ началѣ не войско шло за народомъ, а народъ за войскомъ, и онъ дѣлалъ то, что оно дѣлало или приказывало.

наго и широко распространеннаго, особенно между польскими войсками. И когда мы за тѣмъ видимъ во главѣ мятежа, при самомъ его началѣ, любимые Цесаревичемъ 4-й полкъ и саперный батальонъ, а также разныя части изъ многихъ другихъ полковъ, школу подпрапорщиковъ съ воспитанниками другихъ военныхъ заведеній, артиллерійстовъ и т. п.; когда возмемъ во вниманіе, что всѣ начальники, старавшіеся отвлечь эти войска отъ мятежа, были грубо оттолкнуты или побиты: то едва ли можно утверждать, что подобные люди вернулись бы къ своему долгу, при оставленіи ихъ народною толпою, разогнанною кавалеріею. Самъ историкъ, если логически выводить заключеніе непосредственно изъ сущности совершившихся предъ тѣмъ дѣлъ, подтверждаетъ наше сомнѣніе; напр. „но зачинщики революціи всего менѣе думали о томъ, чтобы сойти съ пути, на которомъ они стояли, и пр.“ Это сказано по поводу прокламаціи Административнаго Совѣта, написанной въ умѣренномъ духѣ. О пѣхотѣ, которая, по мнѣнію автора, должна была поддерживать кавалерію, мы уже говорили прежде и повторять здѣсь считаемъ лишнимъ. Смитъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что „таково было мнѣніе почти всѣхъ генераловъ.“ Охотно этому вѣримъ, но, полагаемъ, оно относится не къ первому дню, а къ тому времени, когда русская пѣхота присоединилась уже къ великому князю, между тѣмъ какъ разлитый въ польскихъ войскахъ враждебный духъ еще не вполнѣ обнаружился. Даже во время самыхъ событій слышно было, что извѣстный своею храбростію генералъ Герштенцвейгъ особенно настаивалъ у великаго князя послать войска противъ мятежниковъ, брался самъ за исполненіе и ручался за успѣхъ. На это надобно сказать одно, что русскимъ и всѣмъ вообще начальникамъ не было тогда извѣстно о размѣрахъ и общей связи заговора, а потому они смотрѣли на начало возстанія какъ на актъ частный.

О томъ, чему у Смита приписывается отказъ на это великаго князя, мы вспомнимъ послѣ, а теперь пойдемъ за историкомъ. „Было только (говоритъ онъ далѣе) дозволено генералу Курнатовскому въ сопровожденіи русскихъ генераловъ Даненберга и Фансгаве (²), съ гвардейскимъ конно-егерскимъ полкомъ, сдѣлать попытку къ утишенію возстанія. Они пробрались по Краковскому предмѣстью до Замка, а одинъ эскадронъ даже до арсенала, разогнали собирающійся народъ и арестовали нѣсколько человѣкъ; но не подкрѣпленные пѣхотою, они не отважились предпринять что либо противъ арсенала, гдѣ въ настоящее время былъ главный пунктъ возстанія.“

Прежде всего, не доказываетъ ли эта попытка, что безъ пѣхоты и при началѣ мятежа нельзя было сдѣлать ничего важнаго. Потомъ нужно замѣтить, что Краковское предмѣстье съ Новымъ Свѣтомъ — одна изъ широкихъ и прямыхъ улицъ, способныхъ для движенія кавалеріи, кромѣ небольшаго пространства около поворота въ Козью уличку; что Краковское предмѣстье удалено отъ арсенала, кругомъ котораго сначала толпился народъ, а потому полку не трудно было дойти до Замка и оттоль эскадрону пробраться до арсенала, конечно, по Медовой и Долгой, тоже широкимъ улицамъ. Но важнѣе всего въ этой попыткѣ то, что конные егеря — поляки; народъ не могъ еще ясно сознавать, къ какой цѣли направлены ихъ дѣйствія. И вообще появленіе на улицахъ конныхъ егерей, какъ родичей, не могло возбуждать того озлобленія, къ какому подалъ бы поводъ мундиръ русскаго улана, гусара или кирасира (³): въ послѣднемъ случаѣ народъ и въ

(²) Генерала съ такимъ прозваніемъ не было. Не Фенышъ ли это?

(³) Въ выноскѣ на 123 ст. переводчикъ поправляетъ автора, увѣряя, что Подольскій кирасирскій полкъ не былъ гвардейскимъ. Г. переводчику, какъ гвардейскому офицеру, слѣдовало бы знать, что Подольскіе кирасиры и уланы Цесаревича принадлежали къ старой, а Гродненскіе гусары къ молодой гвардіи.

правду повѣрилъ бы всѣмъ возгласамъ заговорщиковъ, которые, призывая его къ оружію, кричали, что москали нападаютъ, москали рѣжутъ.

3. Описавъ разрозненность русскихъ казармъ и смѣшеніе пѣхотныхъ съ польскими, отчего сообщеніе русскихъ войскъ чрезъ городъ было невозможно, историкъ говоритъ (стр. 129): „вслѣдствіе чего со времени брюссельскихъ происшествій, первоначальныя приказанія по этому предмету были измѣнены. Прежде, въ случаѣ тревоги, пѣхота должна была двинуться къ арсеналу и оборонять его; но въ послѣдствіи мысль объ оборонѣ города была совершенно оставлена, и командиры русскихъ полковъ получили тайный приказъ, на случай народнаго возстанія, тотчасъ покинуть городъ и идти на открытое поле къ Бельведеру.“

Автору, значитъ, не были извѣстны подробности касательно послѣднихъ приказаній и ихъ исполненія. Мы однако, прежде поясненія этого предмета, не лишнимъ полагаемъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ предшествовавшихъ. Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ во второмъ супружествѣ, какъ извѣстно, польскую княжну Ловичъ; велъ онъ съ нею жизнь самую скромную, въ полномъ смыслѣ семейную. Главное занятіе и вмѣстѣ развлеченіе его состояли въ совершенствованіи строевой службы войскъ русскихъ и польскихъ. Расположеніе и способность поляковъ къ военному дѣлу всѣмъ извѣстны. Не говоря о конницѣ, для которой, повидимому, наиболѣе пригодны свойства ихъ, самая пѣхота не оставляла ничего желать лучшаго. Особенно пользовались извѣстностью и вниманіемъ великаго князя 4 линейный полкъ и батальонъ саперовъ. Слышно было, что въ 4-й полкъ переводили изъ другихъ все, что оказывалось дурнаго въ нравственномъ отношеніи. Это были польскіе архаровцы. За то всѣ строевыя выдумки и улучшенія начинались и испытывались въ 4-мъ полку; за то на царскихъ смотрахъ и ученьяхъ этотъ полкъ всегда получалъ по нѣсколько рублевиковъ на солдата больше противъ всѣхъ другихъ полковъ польскихъ и русскихъ. Вообще короткій, срокъ службы для нижнихъ чиновъ, хорошіе оклады жалованья офицеровъ, служба въ своемъ краю, любовь Цесаревича и вниманіе коронованныхъ особъ, не рѣдко пріѣзжавшихъ въ Варшаву и всегда любовавшихся военнымъ устройствомъ, что питало тщеславіе поляковъ, готовыхъ всегда порисоваться своимъ молодечествомъ,—все это вмѣстѣ служило къ тому, что въ польскихъ войскахъ былъ почти двойной составъ офицеровъ, и очередь къ производству считалась рѣдкостью, потому что старшіе не хотѣли оставлять службы и затирали дорогу къ повышеніямъ для младшихъ. Какъ ни маловажно, повидимому, это обстоятельство въ ходѣ послѣдующихъ событій, а оно имѣло на нихъ большое вліяніе, настраивая честолюбивую служилую молодежь къ недовольству, всегда порождающему дурныя страсти. Самъ зачинщикъ мятежа Высоцкій (какъ передавалъ товарищъ его по службѣ въ школѣ подпрапорщиковъ, офицеръ Литовскаго полка Барановскій) едва ли не большую долю чувствъ своихъ зачерпнулъ не въ патріотизмѣ, а въ досадѣ, что онъ оставался около десяти лѣтъ въ одномъ чинѣ и не видѣлъ надежды къ выходу изъ подпоручческаго положенія, между тѣмъ сверстники его, поступившіе въ русскую гвардію, имѣли уже значеніе штабъ-офицеровъ. Приведенныя Смитомъ замѣчанія кн. Любецкаго, что „революція была произведена адвокатами безъ кліентовъ, докторами безъ паціентовъ и молодыми субалтеръ-офицерами, не хотѣвшими болѣе оставаться субалтерами“, заключаетъ въ себѣ не одну остроту, но и самую вѣрную мысль. Историкъ говоритъ (ст. 103): „дѣйствовалъ ли онъ (Высоцкій) въ этомъ случаѣ по собственному влеченію, или, что вѣроятнѣе, по побужденію свыше,—остается не извѣстнымъ.“ Этой вѣ-

роятности ничто не подтверждаетъ. Намъ кажется, ходъ разсматриваемаго дѣла былъ такой. Когда въ 1815 г. великій князь Цесаревичъ принялъ во вновь созданномъ Царствѣ Польскомъ верховное управленіе, онъ сразу повелъ дѣло къ опредѣленной цѣли, безъ уступокъ, даже круто, чего, повидимому, требовали самыя обстоятельства: поляки слишкомъ долго находились въ безначальномъ или, что одно и то же, въ многоначальномъ состояніи, чтобы могли скоро подчиниться строгому порядку, особенно военные люди, которые, въ качествѣ сподвижниковъ Наполеона, столько времени топтали и ломали чужія права, столько времени пользовались военнымъ самодурствомъ, обыкновенно называемымъ необходимостію. Кромѣ того, ничто предшествовавшее не внушало полякамъ увѣренности въ возможность развитія того общественнаго благосостоянія, которое ожидало ихъ вслѣдствіе порядка вещей, созданнаго Александромъ первымъ. И поляки взялись за тайныя общества, вели ихъ со всею дѣятельностію неугомонныхъ свойствъ своихъ, со всѣмъ пыломъ исторической ненависти къ русскимъ. Такимъ образомъ Польша отравлена заговорами съ начала учрежденія Царства; эта отрава, проникая повсюду, испортила наконецъ цѣлый организмъ народа—до того, что самый воздухъ въ Польшѣ зараженъ былъ революціею. Подъ самое основаніе новаго порядка подведена была мина, какъ о томъ и другомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ возстанія, Морицъ Мохнацкій. Москва загорѣлась отъ грошевой свѣчки. Высоцкій былъ этою свѣчкою для Польши: онъ поджогъ и взорвалъ уже готовую мину.

Великій князь, породнившись съ Польшею посредствомъ своего брака и любя искренно поляковъ, не переставалъ быть русскимъ (въ чемъ, кажется, многіе сомнѣвались, толкуя превратно привязанность великаго князя къ народу, усыновленному его добрымъ сердцемъ). Въ силу этого чувства не могъ онъ ограничивать своихъ желаній однимъ водвореніемъ въ Польшѣ порядка и общаго довольства: у него замѣтна была другая высшая цѣль. Все показывало, что эта цѣль, назовемъ ее, пожалуй, мечтою (достойною, впрочемъ, самыхъ благородныхъ стремленій) состояла въ надеждѣ, а можетъ быть и въ увѣренности, что имя его будетъ навсегда нераздѣльно съ памятью примиренія вѣковыхъ раздоровъ между Русью и Польшею. Отсюда покровительство князя и княгини бракамъ русскихъ съ польками, отсюда учрежденіе своднаго корпуса, въ которомъ и полки и начальники русскіе перемѣшены съ польскими. Такая мечта о сліяніи не представляла тогда ничего несбыточнаго, чему служитъ доказательствомъ и то, что изъ высшихъ польскихъ офицеровъ до капитана включительно очень немногіе участвовали въ заговорѣ. То же можно сказать и о большей части гражданъ, развившихъ ввое благосостояніе въ теченіи 15 лѣтъ въ такихъ размѣрахъ, какихъ оно никогда не достигало. Это, впрочемъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что говорилось выше о нравственной порчѣ: ею заражена была преимущественно та среда, которая во время покоя не имѣла общественнаго голоса, но которая, подъ вліяніемъ тогдашняго духа времени и смутъ европейскихъ, сразу дала заговорщикамъ и силу и господство. Стало быть, увѣренность князя въ благонадежности польскихъ войскъ была не безъ основаній, и эта увѣренность въ связи съ добрымъ расположеніемъ къ полякамъ пустила въ его сердцѣ самые глубокіе корни, такъ что онъ первымъ открытіямъ заговора не придавалъ никакой важности, а первымъ извѣстіямъ объ измѣнѣ войскъ не хотѣлъ вѣрить, какъ объясняютъ между прочимъ и слѣдующіе случаи. Великій князь послалъ въ городъ фельдъегеря Рейзера узнать, что тамъ дѣлается. Рейзеръ по возвращеніи донесъ, что 4-й полкъ за одно съ мятежною толпою

и роздаетъ изъ арсенала оружіе народу. „Не можетъ быть! живо отвѣчалъ князь; ты побоялся близко подъѣхать, не разсмотрѣлъ хорошо и ошибся. Поѣзжай опять и узнай какъ можно лучше“. Рейзеръ поѣхалъ — и былъ взятъ въ плѣнъ. Та же исторія повторилась съ адъютантомъ (4) Цесаревича, капитаномъ Грессеромъ. Когда онъ послѣ первой удачной поѣздки сказалъ объ участіи въ мятежѣ 4-го полка, великій князь до того былъ проникнутъ изумленіемъ, что, казалось, не довѣрялъ своимъ ушамъ и обратился къ другому адъютанту, польскому полковнику Турно, съ вопросомъ — слышалъ ли онъ Грессера? И не смотря на утвердительный отвѣтъ Турно, все еще не хотѣлъ вѣрить словамъ перваго, все еще сомнѣвался въ измѣнѣ 4-го полка, приписывая извѣстіе какому нибудь недоразумѣнію; онъ снова приказалъ Грессеру ѣхать къ арсеналу и какъ можно вѣрнѣе узнать дѣло. Замѣчанія о невозможности уже добраться до арсенала не помогли и были дѣйствительно ошибочны: Грессеръ доѣхалъ до арсенала, но тамъ получилъ много ранъ и отбитъ только знакомымъ офицеромъ 4-го полка. Все это разсказывали сами Рейзеръ и Грессеръ въ Замкѣ, куда собраны были русскіе плѣнные офицеры. Въ то время у Грессера голова была обвязана бинтами, и хотя ему дано до десяти ранъ, но, повидимому, не было очень тяжелыхъ, потому что Грессеръ не обнаруживалъ особенныхъ страданій.

Не смотря однако на такую увѣренность Цесаревича въ польскихъ войскахъ, онъ нисколько не отвергалъ возможности безпорядка частнаго, и для того, за долго до возстанія, были удвоены караулы, усилены патрули и т. п. Этихъ мѣръ, при вѣрности польскихъ войскъ, было очень достаточно. Что касается до русской пѣхоты, расположенной въ казармахъ на сѣверной сторонѣ города, то великій князь въ то же время отдалъ чрезъ полковыхъ адъютантовъ такого рода приказаніе: въ случаѣ какихъ либо смятеній въ городѣ, русскія войска должны выдти изъ казармъ, соединиться на плацъ-парадной площади и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній; оружіе употреблять въ крайности и только для собственной обороны — чтобы не сказали, что мы нападаемъ. „Пусть, прибавилъ князь, поляки сами себя усмиряютъ“, разумѣя, конечно, подъ усмирителями польскія войска. Это не разъ разсказывалъ во время плѣна одинъ изъ посредниковъ въ передачѣ приказанія, адъютантъ Волынскаго полка Круссеръ. Но съ приказаніемъ вышла такая исторія: командиръ Литовскаго полка, генералъ Энгельманъ, сообщилъ волю Цесаревича своимъ батальоннымъ командирамъ, а командиръ Волынскаго полка, генералъ Есаковъ, почему-то не счелъ нужнымъ сдѣлать подобное довѣріе своимъ помощникамъ. И случилось такъ: когда вспыхнулъ мятежъ, Энгельманъ и Есаковъ, бывшіе въ гостяхъ у директора походной канцеляріи Данилова, въ Брюлевскомъ дворцѣ, сѣли на дрожки и поскакали сломя голову къ своимъ полкамъ, т. е. по Вержбовой улицѣ и за тѣмъ, повернувъ къ арсеналу, вдругъ очутились среди бунтующейся толпы, которая и схватила ихъ. Между тѣмъ и дивизіонный генералъ Рихтеръ задержанъ въ какомъ-то публичномъ увеселеніи (по Смиту, въ концертѣ на Медовой улицѣ). Полки остались безъ начальниковъ. Старшіе офицеры Литовскаго полка, зная волю великаго князя, отправились тотчасъ на плацъ-парадъ, а батальонные командиры Волынскаго, не имѣя никакого приказанія, сочли обязанностію идти на защиту арсенала въ помощь оберегавшей его польской пѣхотѣ; 1-й батальонъ сталъ занимать ближайшія улицы для очищенія ихъ отъ народа, и тамъ подвергся выстрѣламъ, о которыхъ говоритъ Смитъ, а

(4) А не флигель-адъютантомъ, какъ ошибочно показано у Смита. Во флигель-адъютанты приняты всѣ адъютанты великаго князя послѣ его смерти.

2 батальонъ направился прямо къ арсеналу. Увидѣвъ возлѣ его 4-й полкъ, солдаты весело заговорили: а вотъ и четвертаки наши!— Кто идетъ? окликнули поляки.— Волынцы! былъ отвѣтъ.—Волынцы, бросай оружіе (rzucaj bron)! И вслѣдъ за тѣмъ сыпнули залпъ... Эта неожиданная измѣна произвела въ батальонѣ замѣшательство, и онъ началъ отступать. Едва отдалились Волынцы отъ арсенала, какъ передъ ними сталъ выдвигаться изъ поперечной улицы батальонъ польскихъ саперовъ. Русскій батальонный командиръ, полковникъ Албертовъ, отозвался къ польскому (полуплѣнному) батальонному командиру подполковнику Майковскому, отодвинуться назадъ. Тотъ скомандовалъ, саперы послушались, конечно въ послѣдній разъ; а лишь минули Волынцы, саперы направились къ арсеналу на соединеніе съ мятежниками. Когда сошлись оба батальона Волынскаго полка, они послали узнать, гдѣ же находится Литовскій полкъ—и только послѣ этого разъяснилось дѣло, и Волынскій полкъ отправился къ Литовскому на плацъ-парадъ.

Теперь мы видимъ, что мысль не употреблять русскія войска на подавленіе мятежа вовсе не принадлежитъ наущеніямъ, хотя бы и лукавымъ, какого нибудь адъютанта Замойскаго, какъ о томъ говорится у Смита, а обсужена и принята она великимъ княземъ гораздо раньше событій. Но правильна ли въ основаніяхъ самая мысль невмѣшательства? Чтобы яснѣе былъ отвѣтъ на эту задачу, нужно хоть слегка коснуться того, представлялась ли удобная пора для подавленія варшавскаго возстанія? Что нельзя было приступить къ тому на первый день, это мы уже доказывали. Лучшее время, повидимому, наступило по прибытіи на другой день „въ вечеру“ къ русскому отряду (стоявшему уже за Варшавою у Мокатова) русскихъ пѣхотныхъ полковъ, двухъ артиллерійскихъ батарей, а также польскихъ гвардейскихъ гренадеровъ. Тогда, значитъ, въ распоряженіи великаго князя составилось пять русскихъ полковъ съ двумя батареями, два гвардейскихъ полка (пѣхотный не полный) и нѣсколько ротъ и командъ другихъ полковъ, съ 4 орудіями. Кромѣ того, приказано генералу Шембеку привесть свою бригаду, приблизившуюся къ Блонѣ. Не извѣстно лишь, было ли въ русскомъ отрядѣ достаточно боевыхъ снарядовъ. Между тѣмъ обстоятельства быстро стали измѣняться: надъ польскими войсками принялъ главное начальство Хлопицкій, пользовавшійся общею народною любовью, славившійся высокими талантами и качествами воина, обладавшій энергіею и непоколебимою твердостію духа и воли, наконецъ обнаружившій свое направленіе заявленіемъ, что онъ будетъ дѣйствовать отъ имени Царя. Это подало надежду на успокоительный исходъ совершавшихся въ Варшавѣ безпорядковъ. Но при отъѣздѣ Шембека, давшаго великому князю слово привесть свою бригаду, къ нему подходитъ гвардейскихъ егерей (до сихъ поръ самыхъ вѣрныхъ) поручикъ Крушевскій, и требуетъ инструкцій, а Крушевскій это сдѣлалъ конечно не отъ одного своего лица. Шембекъ идетъ изъ Блони не къ русскому отряду, а въ Варшаву, и въ то же время посылаетъ приказаніе Крушевскому, чтобы находящіяся у великаго князя польскія войска послѣдовали примѣру Шембека; въ самыхъ же войскахъ этихъ духъ отложенія до того созрѣлъ и развился, что Цесаревичъ рѣшился уволить всѣхъ поляковъ, желая, по выраженію историка, избавить ихъ отъ позора добровольной измѣны.

И такъ, обращаясь къ заданному вопросу: правильна ли мысль о недопущеніи русскихъ къ усмиренію возстанія? мы рѣшаемся сказать *да* — не потому только, что она согласна съ примирительными чувствами великаго князя, а что находимъ ее согласною и съ самыми очевидными соображеніями. До прибытія къ нему русской пѣхоты и

артиллеріи нечего было думать о возможности подавленія возстанія, а по прибытіи той и другой, когда Даненбергъ и Герштенцвейгъ настоятельно требовали идти на Варшаву, покорность въ польскихъ войскахъ окончательно уже рушилась, и вмѣшательство русскихъ могло бы произвести только новое замѣшательство, которое прежде всего лишило бы Хлопицкаго возможности облегчить отступленіе великаго князя въ Россію. Возстаніе, скажемъ еще разъ, поднято не толпою или партіею недовольныхъ, а войскомъ, и не подъ предлогомъ частнаго озлобленія, а во имя національныхъ интересовъ. Зачинщики съ перваго же шагу сдѣлали столько преступленій, что разомъ отдѣлили себя пропастью, чрезъ которую нельзя уже было проложить къ нимъ дорогу угрозою и воззваніями, а нужно проходить по мосту изъ труповъ человѣческихъ. Конечно, для того было бы достаточно однихъ русскихъ войскъ, если бы дѣло шло собственно о мятежникахъ перваго дня; но за этими застрѣльщиками готовы были десятки тысячь отлично устроеннаго войска, вполнѣ имъ сочувствовавшаго. И неужели тѣ же гвардейскіе егеря и гренадеры, которые сначала оставались вѣрными порядку благодаря дисциплинѣ и остатку покорности въ постоянномъ присутствіи начальниковъ, стали бы помогать, даже равнодушно смотрѣть на истребленіе ихъ собратовъ „москалями?“ Допустить это, значитъ, сильно увлекаться. Если многіе еще колебались приставать къ зачинщикамъ, такъ потому только, что у послѣднихъ не было еще знамени, всѣмъ извѣстнаго и уважаемаго. Когда выставлено это знамя въ лицѣ Хлопицкаго, тогда нечего уже было и говорить о вѣрности и признательности къ русскому правительству. Правда, поляки скоро начали щипать и рвать это знамя, покуда оно не упало; но таково свойство всѣхъ революцій. Однимъ словомъ, посылка въ Варшаву русскаго отряда была бы равносильна вызову на смертельный бой 32 тысячнаго войска, кромѣ народа, противъ 7 тысячь. Теперь, когда многія, въ то время темныя, обстоятельства разъяснились, отгадать послѣдствія не трудно.

24 Января 1867 г. *И. Ульяновъ.*

Посел. Усадьба-Миражъ
Міускаго округа В. Д.